

*доктор филологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
русской и зарубежной литературы
Национального педагогического
университета имени
М.П. Драгоманова*

БЕСТИАРНЫЙ КОД В СКАЗКАХ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ

В современной науке наблюдается активизация осмысления бестиарного кода культуры прошлого и настоящего. Об этом свидетельствуют ставшие регулярными и проводимые в России в последнее десятилетие в рамках проекта «RES et VERBA» международные научные конференции (на сегодняшний день состоялось шесть встреч и осенью 2017 года анонсирована седьмая, по материалам конференций издано пять сборников статей [1–5]).

Об актуализации научного осмысления бестиария в литературе и изобразительном искусстве свидетельствует состоявшаяся в Украине международная научная конференция «Бестиарный код у діалозі культур: традиція та сучасність» (Херсонский государственный университет, 7–8 октября 2016 года).

Зарубежные и отечественные ученые рассматривают комплекс проблем, связанных с осмыслением бестиария как семиотической системы, функционирования бестиарного шифра в различных культурных дискурсах, формирования и динамики бестиарной традиции от античности до современности, словесных и визуальных стратегий создания бестиарных образов, особенностей бестиарной метафоричности и т. д. Доминирует тенденция исследования отдельных бестиарных образов в тех или иных произведениях авторов: А. Кантемира (О.Л. Довгий) [1, с. 6–23], И. Анненского (Г.Н. Шелогурова) [1, с. 60–66], А. Блока (В.К. Былинин, Д.М. Магомедова) [1, с. 41–59], Н. Кононова (А.В. Скрябина) [1, с. 67–73] и др. Открытым и незавершенным остается вопрос теоретико-методологического осмысления проблемы бестиарного кода.

Как представляется, актуализация вектора научного осмысления бестиария и бестиарности сопряжена с изучением знаковых форм культуры, континуальным интересом к проблематике Другого, «нечеловеческого», регуляцией отношений человека и окружающего мира, сложными проблемами современного человеческого существования.

Цель статьи – рассмотреть формы репрезентации и функциональность бестиарного кода в прозе Л. Петрушевской, в частности в «Книге приключений: Сказки для детей и взрослых» [6] и цикле «Дикие животные сказки» [7].

Сразу оговорим, жанровое обозначение «сказки» сразу активизирует «память» жанра – опору на вымысел, аллегоризм, дидактизм, легкость т. н. «детского» восприятия при постановке у Л. Петрушевской отнюдь не детских проблем.

Среди типов, представленных в данных произведениях Л. Петрушевской персонажей, условно выделим следующие:

1) персонажи-люди (портной, маляр, принц, принцесса, король, королева, слуга, доктор, разбойники, хитрец, мальчик, девочка, девушка, женщина, мама, бабушка, дедушка и т. д.);

2) добрые и злые волшебники (колдун, колдунья), мистические помощники (Ангел-хранитель) и противники (Бес);

3) олицетворенные растения (лук, капуста, роза и др.);

4) олицетворенные явления природы (лунная ночь, пушинка и др.), части тел (горб);

5) олицетворенные бытовые предметы (будильник, книга, чайники, самовар, лопата, веник, палка, глобус, тельняшка, куклы Барби, Кен, Той, Сьюзен и т. д.);

6) олицетворенные машины и механизмы (самолет, паровоз, радио);

7) традиционные для русского и мирового фольклора звери и птицы, (зайчик, козел, коза, осел, собака, петух, курица, гусь, утка, корова, лошадь, конь, свинья, волк, верблюд, белка, крокодил);

8) менее традиционные, особенно популярные в анимационном искусстве XX века персонажи (моллюск и моллюска, плотва, амеба, клоп, блоха, жук-водомерка и другой инсектный код);

9) персонажи, находящиеся на «стыке» и пересечении зоо- и антропоморфных миров, границы между которыми размыты, поэтому их однозначная дифференциация практически отсутствует. Эта особенность ярко проявляется в «Диких животных сказках»: инфузория Ася, амеба Рахиль, тля Зорька, клоп Мстислав, таракан Максимка, муравей Ленька, моль Нина, муха Домна Ивановна, паук Афанасий, комар Стасик, бабочка Кузьма, жук Андрейч и его жена Верка, клещ дядя Юра, блоха дядя Степа, блохи-махновцы, червь Феофан, гусеница Николавна, пиявка Дуська, жаба Люба, мышь Софа, крыса Надежда Пасюк, козел Толик, баран Валентин, свинья Алла, волк Семен Алексеевич, гиена Зоя, гадюка Аленка и т. д.;

10) вымышленные «неопознанные» существа, представляющие бестиарный код: Трр, А-га; И-ии в сказке «Жил-был Трр!» из «Книги приключений»; Калуша, Калушата, Бутявка, Бутявчонок, Помик, Ляпупа в «Лингвистических сказочках».

Заметим, характерный вектор сказок Л. Петрушевской – не доминирование, как правило, т. н. «сказочного» времени, т. е. вневременного универсального континуума, а явное преобладание современности в различных ва-

риативных маркерах XX века: телевидение, радио, киноиндустрия, освоение космоса, дома отдыха и пр. Например, насекомые ездят на «мерседесах», поездах, летают на самолетах, пьянеют от аэрозоля для насекомых, а за хмелев, поют песню на слова Евг. Евтушенко «Постель была расстелена...» [7, с. 8]; моллюски устраивают акции «Гринписа» [7, с. 30–31, 43, 51, 63, 69, 81, 137, 212–213]; Волк цитирует строки из арии Лизы оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама»: «Откуда эти слёзы? Зачем оне?» [6, с.41], читают прессу «Вечерний Киев», «Московский комсомолец», «Северная Корея сегодня» [7, с. 63] и т. д.

Происходят «сдвиг» и конвергенция человеческого и анимального миров. В этом «сдвинутом», животное-человеческом мире разыгрываются сложные, подчас драматические человеческие страсти и конфликты, часто в бытовой сфере и на бытовой почве (семейные ссоры, квартирный вопрос, разрыв родственных отношений, псевдодружба, мнимые идеалы и пр.), при этом поступки и характеры персонажей не лишены животных признаков, что подтверждает и заголовочный комплекс: эпитеты «*Дикие животные сказки*» и подзаголовок «Первый отечественный роман с продолжением» – квазижанровое обозначение эпического повествования свободной формы о ряде событий текущей современности, дающее широкое полотно нравов и страстей.

Эти животные и насекомые, персонажи в сказках Л. Петрушевской, женятся, разводятся, ссорятся, скандалят, завидуют, пьянствуют [7, с. 8, 12, 17, 49, 58, 63, 70, 79, 107, 138, 141, 156, 179, 225, 245], нюхают аэрозоли [7, с. 7, 52, 164], дерутся на бытовой почве [7, с. 11, 13, 26, 41, 65, 70], проламывают друг другу голову [7, с. 27], сидят в КПЗ [7, с. 26, 31], все особи мужского пола, как правило, испытывают похоть и изменяют [7, с. 13, 25, 43, 67, 71, 75, 77, 151, 154, 175, 181, 193, 230], подростки прогуливают школу [7, с. 55], не слушаются родителей и ругаются с ними [7, с. 55, 140, 169, 198–199, 234]. Животные и насекомые у Л. Петрушевской любят «дармовщину» [7, с. 20–21, 78, 133], деньги [7, с. 85, 237–238], обманывают, воруют [7, с. 18, 37, 50], жаждут славы и страдают тщеславием [7, с. 35, 44, 85], ходят на работу, курсы повышения квалификации, выстраивают карьеру [7, с. 23, 32], ходят в парикмахерские, делают себе маникюр и педикюр [7, с. 15, 36, 68, 79, 89, 101], носят одежду из секонд хэнда и мечтают о фирменных «Ливайсах» и костюмах от «Версаче» и «Славы Зайцева» [7, с. 75, 120, 244], участвуют в конкурсах красоты, чтецов, баянистов [7, с. 24, 78, 95], поют хором [7, с. 18, 74, 88, 199], смотрят порнофильмы [7, с. 17, 33, 219], обсуждают цены, занимаются консервированием [7, с. 73] и даже страдают психологическими проблемами, например: жаль покупать любовнице колготки, угощать ее кофе и оплачивать такси в обе стороны [7, с. 71–72].

В технологии моделирования конвергентного мира у Л. Петрушевской основными средствами выступают аллегория, стилизация и пародия, ирония, гротеск, травестирирование, постмодернистская игра (особенно с классическим наследием и языком). Что касается генезиса, то безусловным видится творческое переосмысление и продление традиций мирового сказочного и басенного аллегоризма, русской сатиры XVIII–XX веков, в частности сатир А. Кантемира, сказок М. Щедрина, комедии В. Маяковского «Клоп», сатирической повести М. Булгакова «Собачье сердце», инсектного кода поэзии Н. Олейникова и др.

Игра с классикой в «Диких животных сказках» обнаруживается в нередко «перевернутой» и травестированной апелляции к писателям, героям и произведениям литературы и культуры. Например, в постпозиции «Диких животных сказок» Л. Петрушевская дает список действующих лиц – аллюзивный намек на разыгрываемую то ли драму, то ли комедию, то ли трагикомедию. В рядах действующих лиц олицетворенных животных, птиц, грызунов, рыб, насекомых, микробов, как правило, имеющих собственные имена (к примеру, Старушка Бледная Спирихета Клара Сифон), размещены также Карл Маркс, Лев Троцкий, писатели Евтушенко, Лев Толстой, Чехов, мировые знаменитости – Горювиц, Эдди Рознер, Унгаро, такие «действующие лица», как Пенелопа, Наташа Ростова, Нина Заречная, Треплев, Чайка дядя Ваня, он же Чайка Джонатан Левингстон и др.

Полигенетичная симультанная игра с классикой присутствует в «Двойной литературной истории». Улитка Герасим, «начитавшись художественной литературы, повел на веревке амебу Рахиль по прозвищу Муму топить в пруд, так как Рахиль <...> очень привязалась к Герасиму, жила в его доме в конуре и ночами выла <...> А уходить из дому Герасим, начитавшись литературы, не хотел, он знал, чем такие вещи кончаются, станцией Лев Толстой Казанской ж. д.» [7, с. 28]. Интертекстуально обыгрывается два литературных факта: персонажи и схема сюжета повести И. Тургенева «Муму» и реальные события биографии Л. Толстого – уход из Ясной Поляны, смерть на станции Астапово (переименованной в 1918 году в станцию Лев Толстой). Далее «В двойной литературной истории» улитку Герасима и амебу встречает пес Гуляш, который, желая помочь медленной улитке, «побежал к пруду с изменившимся лицом (за счет торчащего в зубах Герасима и болтающейся веревки с Рахилью на конце)» [7, с. 29]. Интертекстуальное поле последней цитаты включает вероятную «двойную» отсылку: к тексту телеграммы, которую получил подпольный миллионер Корейко в «Золотом тельнике» И. Ильфа и Евг. Петрова («Графиня изменившимся лицом бежит пруду» [8, с. 421]), и телеграммы Н. Эфроса от 3 ноября 1910 года для петербургской газеты «Речь», где говорится о неудачной попытке самоубийства графини Софьи Андреевны Толстой: «Узнал несколько подробностей покушения графини: не дочитав письма, ошеломленная бросилась сад пруду; увидавший повар побежал дом сказать: *графиня изменившимися лицом бежит пруду*. Графиня, добежав мостка, бросилась воду, где прошлым году утонули две девушки. Вытащили Александра, студент Булгаков, лакей Ваня; повар» (орфография цитаты оставлена без изменений. – О. К.) [9, с. 40]).

У Л. Петрушевской попытка утопления Герасимом Муму завершается неудачей: «Муму, оказалось, вообще не тонет ни при каких обстоятельствах» [7, с. 29], потому что она – амеба.

Постмодернистская игра с классикой становится возможной благодаря насыщенной интертекстуальности, у Л. Петрушевской – гротескно реализованной. Обыгрываются переключки с произведениями Гомера, Данте,

У. Шекспира, Н. Гоголя, А. Островского, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, В. Маяковского, М. Булгакова, Р. Баха и др. Например, в сказке «Сивуч» «мысль о господстве силы воли (*козел ты или тварь дрожащая*)» вдохновила на несколько минут козла Толика на воздержание» от употребления самогона [7, с. 226]. Очевидна гротескная переключка с «Преступлением и наказанием» Ф. Достоевского, в частности с идеей Раскольникова. В сказке «Где ты?» ежик Гарри бережно хранит в кармашке случайно доставшееся ему письмо, адресованное лягушке Пипе, в котором есть слова: «*Питись, где ты?*», – гротескная реминисценция «Мисюсь, где ты?» из «Дома с мезонином» А. Чехова. В сказке «Птица тля» муравей дед Миша запрягает трех диких тлей «и с криком «*Поди! Поди!*» мчит на тройке – «эх *тля, птица тля!*» – гротескно спародированное гоголевское «Эх, тройка! Птица тройка...» из «Мертвых душ». В качестве локуса в сказках нередко фигурирует поляна Ясная Холера.

Пародийно-бурлескное использование сюжета романа Л. Толстого «Анна Каренина» просматривается в сказке «Клава Karenin», действующих лиц и ходов драм А. Чехова «Дядя Ваня» и «Три сестры» – в одноименных сказках Л. Петрушевской. При этом в качестве сестер у Л. Петрушевской выступают гадюка Алёнка, крыса Надежда Пасюк (старшая) и росомаха Жанна (младшая), которые садятся в поезд, чтобы ехать в деревню копать картошку, но деньги есть только на один билет, поэтому две сестры прячутся в чемодан, который по дороге украла гиена Зоя. Родственники гиены шакалы «под мудрым взглядом гадюки Аленки раскошелелились и оплатили трем сестрам три билета в мягком вагоне *в Москву! (В Москву, в Москву)*» (здесь и ниже выделено нами – О. К.) [7, с. 39]. Финальный рефрен являет постмодернистскую игру с классикой и одновременно – «глум» над массовым сознанием и современным стремлением провинциалок покорить гигантский мегаполис. Подчеркнем, у Л. Петрушевской травестирирование, пародия классического наследия презентуют «глум» не над самой классикой, а над ее «переворачиванием», доведенным до абсурда при прикосновении к ней животно-человеческого мира.

В цикле «Дикие животные сказки» многие финальные формулы-концовки, внешне обусловленные и мотивированные предшествующим ходом событий, амбивалентны и неоднозначны. С одной стороны, они презентуют своеобразный итог-обобщение изображенным событиям, шире – создаваемой автором картины мира: «Все как у людей» [7, с. 149], «Просто клиника какая-то» [7, с. 186], «... не те времена» [7, с. 170]. С другой стороны, финальные фразы выступают яркой демонстрацией феномена «массового сознания», его претензий на «житейскую мудрость» и утверждение «конечных истин»: «... на всех не напасешься» [7, с. 153], «лучше семьи нет ничего!» [7, с. 14], «... психология психологией, а все решает питание» [7, с. 72], «у мужа и жены должны быть одинаковые взгляды на жизнь – в этом основа крепкой семьи» [7, с. 76], «квартиру сдавать обсуждению не подлежит, но когда же остановиться?» [7, с. 173], «юношеские порывы не всегда совпадают с реальностью» [7, с. 159], «эротика не всегда себя оправдывает на практике» [7, с. 221]. Сниженная разговорная и просторечная лексика фраз-концовок и авторская ирония подчинены деконструкции псевдодидактизма «житейских мудростей»: «Но где идеал, там всегда кто-нибудь его да и поперет» [7, с. 156], «Как говорится – ежели я кого-то, то это мы с Томкой кого-то. А если ее кто-то, то это меня кто-то. Такой закон семьи» [7, с. 165], «... плотва Клава оценила известный лозунг Карла Маркса: счастье – это когда дети сыты, обуты, одеты, здоровы и их нет дома. Карл Маркс сформулировал это не так точно, он сказал, что счастье – это борьба, но то же на то и выходит» [7, с. 143]. Всепроницающая авторская ирония, воспроизводя «ненормальный» мир и его псевдоценности, одновременно деконструирует их.

Бестиарный код сугубо вымышленных существ и игра с языком ярче всего представлены в «Лингвистических сказочках», которые обнаруживают авторское творческое продление и развитие традиций: во-первых, Льюиса Кэрролла с его «*Jabberwocky*» (в русскоязычном переводе Д. Орловской – «Бармаглот») из повести-сказки «Алиса в Зазеркалье» (1871); во-вторых, продление традиций футуристического словотворчества начала XX века; и, наконец, развития техники филологического грамматического эксперимента, подобного классическому примеру академика Льва Щербы с его знаменитой «Глокой куздрой...» [10, с. 201–203].

Л. Петрушевская «Лингвистические сказочки», в частности, «Пуськи бятые», «Бурлак» и др., выстраивает на обыгрывании морфологических форм и их значений:

Сяпала Калуша с калушатами по напушке. И увазила бутявку, и волит:

– Калушата! Калушаточки! Бутявка!

Калушата притяпали и бутявку стрямкали. И подудонились.

А Калуша волит:

– Оее! Оее! Бутявка-то некузявая!

Калушата бутявку вычучули.

Бутявка вздрезбзнула, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит калушатам:

– Не трямайте бутявок, бутявки любые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся.

А бутявка волит за напушкой:

– Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые! [6, с. 79].

В последствии Л. Петрушевская расширяет истории до 16 в цикл «Пуськи Бятые» [11]. Н. Задорожная замечает: «В цикле «Пуськи бятые» представлено более ста вымышленных корней <...> лексический репертуар представлен 254 необычными словами в 1192 употреблении. Некоторые из них (некузявый, зюмо-зюмо некузяво) вошли в разговорный язык и в новые словари» [12].

Условно-игровое начало усиливается у Л. Петрушевской также благодаря использованию в «Пуськах Бятых», в частности «И-Пызява», паралингвистических средств письменной коммуникации – эмотиконов (эмоцио-

нов) – пиктограмм, изображающих эмоцию, широко используемых в Интернете и SMS, например: :) – «очень весело», ^(- «грустно», ;^)(^; – «жених и невеста», которые в рассказе Л. Петрушевской нацелены на уточнение экспрессивно-интонационной окраски и имманентно – на обыгрывание коммуникативного поля.

Таким образом, на основе игрового словотворческого вымысла создается художественная реальность с множеством вариантов сотворческого читательского прочтения бестиарного кода в зависимости от языкового, культурного опыта реципиента, которого автор намеренно наделяет свободой интерпретации.

Персонажами «Пусек Бятых» являются Калуша, Бутявка, Ляпупа, Помик, Зюише и др. бестиарные существа, которые, как правило, довольно агрессивны: бесконечно ссорятся, постоянно ругаются, дразнят, обзывают, а также «трямкают», «тюкают» друг друга. Именно ссоры и ругань занимают большинство текстового объема (ругательное «Пуськи Бятые» вынесено в заглавие всего цикла). И при этом та же Калуша по-матерински печется о своих Калушатах: Канне, Манне, Гуранне и Кукусе, Бутявка о Бутявчонке: Гаге Прюшке, любит посплетничать Ляпупа, многие обижают Бутявку, с чем она пытается все время бороться и в ответ огрызается и обзывается. У Бутявки – 12 лап, 38 ушей и 8 глаз, вместо ног – «сяпалки», но и Бутявкам, и Калушатам известны электронная почта и смайлики. Выдуманный Л. Петрушевской бестиарный код близок одновременно к животному и человеческому миру, а созданный Л. Петрушевской в «Лингвистических сказочках» язык напоминает, с одной стороны, детскую «гибридную» речь, с другой стороны, футуристическую «заумь», с третьей стороны, абсурдизированное «распадение» речи и языка. И все же подчеркнутый экспериментальный игровой модус «Лингвистических сказочек» облегчает и смягчает восприятие изображаемого дегуманизированного мира.

Подобный «сдвиг» и гибридизация миров в художественном мире сказочной прозы Л. Петрушевской видятся не случайными. Как представляется, это имплицитное свидетельство процесса изживания антропоцентристской модели культуры и одновременной попытки ее новой актуализации в «переходную» культурную эпоху. Таким образом, происходит концептуализация отношений человека и современного окружающего мира. При этом сама реактуализация и создание сказочной парадигмы содержат проявление авторской интенциональности, имплицитно теплящей надежду на сказочную традицию (в духе «памяти жанра») победы добра над злом, гуманного в ходе дегуманизации современности.

Многие сентенции сказок Л. Петрушевской звучат афористично: «Не все, что мы потеряли, нам нужно!» [6, с. 11]; «Однако всегда бывает так, что если очень чем-то гордишься, то надо приготовиться к слезам» [6, с. 40]; «Но когда все кончается плохо, это вовсе не значит, что все вообще кончается и замирает. Может быть дальше будет еще хуже» [6, с. 26]; «Говорят – слезами горю не поможешь. А бывает – наоборот. Смотри, кто плачет, и смотри, кто потом смеется» [6, с. 28]. И преодолеть это состояние неоптимистического восприятия современного мира автору и реципиенту помогает сказочный вымысел, ирония, пародия и игра.

Литература:

1. Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве : сб. статей / сост. А.Л. Львова, науч. ред. О.Л. Довгий. – М. : Intrada, 2012. – 183 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://intrada-books.ru/bookstore/bestiary_complete%20final.pdf.
2. Бестиарий и стихии : сб. статей / сост. А.Л. Львова, науч. ред. О.Л. Довгий. – М. : Intrada, 2013. – 166 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://intrada-books.ru/bookstore/bestiar2_1-166.pdf.
3. Риторика бестиарности : сб. статей / сост. А.Л. Львова, науч. ред. О.Л. Довгий. – М. : Intrada, 2014. – 270 с.
4. Бестиарный код культуры : сб. статей / сост. А.Л. Львова, науч. ред. О.Л. Довгий. – М. : Intrada, 2015. – 270 с.
5. Бестиарий и чувства : сб. статей / сост. А.Л. Львова, науч. ред. О.Л. Довгий. – М. : Intrada, 2016. – 253 с.
6. Петрушевская Л.С. Книга приключений: Сказки для детей и взрослых / Л.С. Петрушевская // Петрушевская Л.С. Собр. соч. : в 5 т. / Л.С. Петрушевская. – Х. : Фолио ; М. : ТК О АСТ, 1996. – Т. 4. – 1996. – 352 с.
7. Петрушевская Л.С. Дикie животные сказки: Первый отечественный роман с продолжением / Л.С. Петрушевская // Петрушевская Л.С. Собр. соч. : в 5 т. / Л.С. Петрушевская. – Х. : Фолио ; М. : ТК О АСТ, 1996. – Т. 5. – 1996. – 256 с.
8. Ильф И. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров // Ильф И. Двенадцать стульев. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров. – К. : Рад. письменник, 1957. – С. 327–652.
9. Смерть Толстого: По новым материалам. Астаповские телеграммы / Изд-е Публичн. библиотеки СССР им. В.И. Ленина. – М. : Эмес, 1929. – 328 с.
10. Успенский Л.В. Слово о словах : [очерки о языке] / Л. Успенский. – 5-е изд., пересмотр. и доп. – Л. : Дет. лит., 1971. – 717 с.
11. Петрушевская Л.С. Дикie животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуськи Бятые / Л.С. Петрушевская. – М. : Эксмо, 2003. – 293 с.
12. Задорожная Н. Языковая игра, или Кто такие «пуськи бятые»? / Н. Задорожная [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/59633/>.

Аннотация

О. КОРНИЕНКО. БЕСТИАРНЫЙ КОД В СКАЗКАХ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ

В статье рассматриваются особенности функционирования бестиарного кода Л. Петрушевской в «Книге приключений: Сказки для детей и взрослых» и цикле «Дикие животные сказки: Первый отечественный роман с продолжением». Предложена типология сказочных персонажей в прозе Л. Петрушевской. Проанализированы персонажи, находящиеся на «стыке» и пересечении зоо- и антропоморфных миров, а также вымышленные «неопознанные» существа.

Ключевые слова: бестиарный код, постмодернистская игра, интертекстуальность, гротеск, пародия, деконструкция.

Анотація

О. КОРНІЄНКО. БЕСТИАРНИЙ КОД У КАЗКАХ ЛЮДМИЛИ ПЕТРУШЕВСЬКОЇ

У статті розглянуто особливості функціонування бестиарного коду Л. Петрушевської в «Книзі пригод: Казки для дітей та дорослих» і циклі «Дикі тваринні казки: Перший вітчизняний роман із продовженням». Запропоновано типологію казкових персонажів у прозі Л. Петрушевської. Проаналізовано персонажі, що знаходяться на «стику» й перетині зоо- та антропоморфних світів, а також вигадані «невпізнані» істоти.

Ключові слова: бестиарний код, постмодерністська гра, інтертекстуальність, гротеск, пародія, деконструкція.

Summary

O. KORNIENKO. BESTIARITY CODE IN FAIRY TALES WRITTEN BY LUDMILA PETRUSHEVSKAYA

The article discusses the specificity of bestiality code in the works of Ludmila Petrushevskaya “Book of Adventure: Stories for children and adults” and a cycle of “Wild Animals Tales: The first domestic affair with a continuation”. A typology of fantastic characters in prose Petrushevskaya where in terms of the affected issues bestiality code allocated characters are at “the crossroads” and the intersection of animal and anthropomorphic worlds, which blurred the boundaries between the fictional and the actual “unidentified” creature.

Key words: bestiality code, postmodern game, intertextuality, grotesque, parody, deconstruction.